

ЗВУК
НАСЛЕДИЕ

НОВЫЕ ИДЕИ
В ФИЛОСОФИИ
СБОРНИК № 3
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ I

DirectMEDIA

Коллектив авторов
Новые идеи в философии.
Сборник номер 3
Серия «Новые идеи в философии», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824240

*Новые идеи в философии. Сборник № 3. Теория познания I: Директ-
Медиа; М.-Берлин; 2014
ISBN 978-5-4458-3856-2*

Аннотация

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад – в 1912—1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Brentano, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

Содержание

Предисловие	4
Н. Лосский.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Новые идеи в философии. Сборник номер 3

Предисловие

В течение последних пятидесяти лет гносеология занимает центральное место в философской литературе и становится наиболее разработанной философской дисциплиной. Руководящее значение в современной гносеологической литературе имеют труды, резко отграничивающие психологическое и генетическое исследования от гносеологического и логического; таковы, например, труды Шуппе, Гуссерля, Риккерта и марбургской школы.

Стремление освободиться от тупика субъективного идеализма приводит к новым учениям о сознании, способным сыграть важную роль в дальнейшем развитии гносеологии: в самых разнообразных формах эти новые учения, стремящиеся обосновать знание о подлинном транссубъективном мире, осуществлены в эмпириокритицизме Авенариуса, в интуитивизме Бергсона, в мистицизме Соловьева и в интуитивизме Лосского.

В сборниках «Новых идей в философии» будут изложены все упомянутые теории. В дополнение к ним в качестве контрастирующего с ними явления будет дан также очерк праг-

матизма.

В предлагаемом вниманию читателей № 3 помещено изложение взглядов Шуппе, Авенариуса и Гуссерля. Интенционализму Гуссерля отведено в сборник сравнительно большое место потому, что взгляды этого философа, изобилующие сложными оттенками, с трудом поддаются краткому изложению, к тому же обширный второй том «Логических исследований» Гуссерля не имеется в русском переводе.

Между тем в развитии современной гносеологии труд Гуссерля имеет огромное значение, потому что в нем наиболее отчетливо проведено различие между психофизиологическим актом знания и идеальным смыслом знания.

Редакция

Н. Лосский.

Имманентная философия В. Шуппе

Гносеологические исследования В. Шуппе изложены главным образом в его обширной «Erkenntnistheoretische Logik» (1878) и в кратком «Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik» (1894, 2 изд. 1911)¹.

Приступая к исследованию истины, Шуппе отграничивает гносеологию и логику от психологии. «Мышление, как конкретный, т. е. совершающийся во времени процесс, всегда есть мышление индивидуума», говорит Шуппе, «тем не менее вопросы теории знания и логики всегда относятся к мышлению вообще, а вовсе не к индивидуальному мышлению как таковому».

Развитие индивидуального мышления, начиная с детского возраста, обстоятельства, содействующие или препятствующие ему, методы мышления, основанные на природе индивидуума как такового, составляют предмет исследования психологии. И все исследования психологии «всегда уже предполагают понятие мышления вообще (Denken

¹ В. Шуппе родился в 1830 г., был профессором в Грейфсвальде. Список его сочинений приложен в конце статьи.

überhaupt) и истины»². Итак, необходимо исследовать родовые свойства мышления, чтобы узнать, что такое истинное знание.

Прежде всего, очевидно, что мышление не осуществимо без чего-либо мыслимого. Назовем то, что мыслится, объектом или содержанием (Inhalt) мышления, и формулируем сделанное открытие следующим образом: где есть мышление, там всегда есть две стороны, – во-первых, мышление и, во-вторых, объект его.

Эти две стороны, хотя они и глубоко отличаются друг от друга, неразрывно связаны друг с другом: мышление не может существовать без мыслимого и, наоборот, мыслимое (объект, содержание) не может существовать без мышления.

Содержание мышления есть не что иное, как бытие (Sein), действительность. В самом деле, всякое утверждение о мыслимом объекте («земля кругла» и т. п.) есть признание того, что он действительно существует.

«Понятие и сущность мышления состоит в том, что у мышления есть содержание или объект, а также в притязании на то, что это содержание есть действительно сущее»³.

Итак, неразрывная связь между мышлением и мыслимым объектом есть, иными словами, неразрывная связь между мышлением и бытием. Допустить реальное отделение мышления от бытия или бытия от мышления – это значит выска-

² Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 3.

³ Там же, стр. 7.

зять нелепость.

В самом деле, «если устранить содержание, т. е. мыслимые вещи, то мышление, лишенное содержания, оказывается не только фактически невозможным, но даже и в понятии немислимым (*begrifflich undenkbar*); с другой стороны, если устранить мышление, мыслящее вещи, то согласно реалистической теории существование никем не мыслимых вещей, правда, считается несомненным, однако, очевидно, лишь в том случае, когда я мыслю их, как никем не мыслимые»⁴, что противоречиво.

Ввиду нерасторжимости мышления и бытия нельзя представлять себе мышление как чисто субъективную деятельность, наподобие движения схватывающей руки, которое может быть произведено даже и в отсутствии схватываемых вещей. Нельзя поэтому построить такую логику, которая была бы учением о чистом мышлении; всякая логика должна быть наукою о мышлении, направленном на бытие, т. е. должна быть не формальною, а материальною. Она должна дать сведения о мышлении вообще (*Denken überhaupt*) и вместе с тем о сущем вообще (*vom Seienden überhaupt*), т. е. о высших родах бытия. Таким образом, логика есть вместе с тем онтология⁵.

Так как мышление и бытие составляют вместе единое, реально неразделимое целое сознания, то для изучения этих

⁴ Schuppe, Erkenntnistheoretische Logik, стр. 26.

⁵ Grundr., стр. 4.

двух сторон сознания необходимо прибегнуть к мысленному обособлению их, т. е. к абстракции. Но, производя абстракцию, человеческий ум очень часто впадает в ошибку удвоения, приводящую к безвыходным затруднениям и противоречиям. Познакомимся с этою ошибкою сначала с помощью схемы и затем с помощью более простого примера, чем абстрагирование мышления от бытия. Положим, что АВ есть реально неразделимое целое, тогда задача правильной абстракции состоит в том, чтобы мысленно отделить начисто А от В; при этом, если АВ было конкретное наглядно представимое целое, то элементы, полученные после абстракции, А и В друг без друга не будут представимы наглядно, они будут только мыслимы в понятии (*begrifflich*). Ум, обладающей слабою способностью к абстракции, не справится с этою задачею и, пытаясь мыслить А, на деле наверное будет мыслить (вернее, по-прежнему наглядно представлять) его не в чистом виде, а в виде Ав; точно так же вместо В он будет мыслить АВ. Таким образом из АВ получаются после абстрагирования не элементы его, а удвоенное АВ. Так, например, если мы наглядно представляем себе красный куб и задаемся целью помыслить в отвлечении друг от друга цвет (чувственное качество) и протяженность, мы обыкновенно выполняем эту задачу следующим неправильным способом: представляем себе красноту в виде, например, красного пятна, и протяженность в виде куба, т. е. по-прежнему в виде наглядного образа, заполненного, если не цветом, то все же каким-ли-

бо чувственным качеством, например, осязательными ощущениями или же линиями зрения (моторными ощущениями от движения глаза при рассматривании куба). Между тем правильная абстракция должна дать два элемента действительности, чувственное качество и протяженность, вовсе не представимые наглядно, а только мыслимые в понятии.

Описанную ошибку совершает человеческий ум тогда, когда, пытаясь отвлечь друг от друга мышление и бытие, он представляет себе, с одной стороны, бытие как систему вещей, а, с другой стороны, мышление как систему мысленных образов вещей. Здесь мир удвоен, и это удвоение получилось потому, что к составу бытия примешаны продукты мышления (порядок, отношения), а к составу мышления примешано бытие (мыслимые вещи, ошибочно истолкованные как образы вещей)⁶.

Следствия этой ошибки таковы. Если бы абстракция была произведена правильно, без удвоения, то мы ясно усматривали бы, что бытие и мышление не могут быть разъединены. Теперь же после удвоения мы не можем понять, как соединить их друг с другом: бытие, пропитанное мышлением, но ошибочно принятое за чистое бытие, не нуждается ни в чем мышлении для того, чтобы существовать, и, наоборот, мышление, наполненное образами вещей, не нуждается в подлинных вещах. Отсюда являются три типа ложных теорий: 1) теории, отрицающие мышление, таков, например, тот

⁶ Erk. Log., стр. 15—19.

вид материализма, который утверждает, что мышление есть движение; 2) теории, отрицающие бытие, например, система Беркли, превращающая объекты в состояния субъекта; 3) теории, утверждающие параллелизм или вообще какое-либо соответствие между формами мышления и формами бытия⁷ (сюда относятся различные виды теоретического реализма, утверждающего, что трансцендентно всякому сознанию существует мир, более или менее сходный с миром, мыслимым и представляемым, т. е. имманентным сознанию).

Как сказано, все эти ложные теории возникают вследствие невозможности соединить мышление и бытие после того, как мы удвоили их. Между тем в действительности, как раз наоборот, невозможно разъединить их: нельзя найти мышление без объекта (бытия) и объект без мышления. Это сочетание мышления с тем, что не есть мышление, с бытием, никого не удивляет, когда речь идет о таких объектах, как чувства или желания, познаваемые путем самонаблюдения. Никто не сомневается в том, что чувства суть не мышление, а бытие, однако это не мешает им быть объектами мышления. Затруднения возникают с того момента, когда речь идет о познании «внешнего» бытия, например, о познании протяженности дерева. В этом случае нам кажется невозможным, чтобы наблюдаемая протяженность (имманентная сознанию) была самою действительностью. Почему это представляется невозможным? Очевидно не вследствие разно-

⁷ Там же, стр. 28.

родности вообще между мышлением и бытием: выше было сказано, что разнородность между чувством и мышлением несколько не мешает признать, что, мысля о своем чувстве, например, наблюдая свою радость, мы имеем дело с самой подлинною радостью, а не с замещающими ее мысленными образами, символами и т. п. Нетрудно заметить, что различное истолкование мышления о чувстве и о протяженном дереве обусловлено предвзятыми предпосылками, согласно которым чувство находится «внутри» мыслящего существа (внутри души), а протяженное дерево «вне» мыслящего существа, за границею я. Эти неясные, заимствованные из области пространственных отношений представления о границах я, отделяющих «внутренний» мир души от внешнего «мира тел», приводят к роковым заблуждениям в теории знания: они являются источником ошибочного убеждения, будто мышление есть чисто субъективная деятельность, «состояние единичного мыслящего я»⁸, не выходящее «за границы» этого я и потому способное иметь дело только с таким бытием, только с такими объектами, которые также находятся уже внутри души, так что, познавая внешний мир, например, протяженное дерево, я могу наблюдать лишь свои субъективные ощущения, а не само дерево, существующее вне моего я.

Отсюда являются нелепые затруднения, приводящие к скептицизму или же решаемые с помощью искусственных

⁸ Там же, стр. 30.

теорий. Так, превращая все объекты, имманентные сознанию, в состояния души, подобно чувству удовольствия, эти теории задаются вопросом, почему такие объекты, как дерево, представляются существующими «вне» я, и развивают учение о проецировании ощущений наружу⁹.

Точно так же, превращая протяженные объекты в непротяженные психические состояния, они задаются неразрешимым вопросом, как создаются из таких психических состояний представления о пространстве¹⁰ и т. п.

Отбросим, предлагает Шуппе, все эти гипотезы, перестанем ссылаться на трансцендентные всякому сознанию процессы в мозгу и нервной системе, допущенные на основании умозаключений, в особенности освободимся от предвзятых предпосылок и займемся исключительно анализом того, что фактически дано в сознании. Тогда мы увидим, как затруднения сами собою исчезнут, и рискованные гипотезы вовсе не понадобятся¹¹. Беря факты как они есть, необходимо признать, что видимый мною цвет листьев дерева и его ствола находятся не внутри моего мозга или не в моей душе, а там, в двух, трех или более саженях от меня. «Он действительно целиком находится там, где, согласно прежней теории, он нам только кажется существующим и куда, по этой теории,

⁹ Там же, стр. 52.

¹⁰ Там же стр. 65.

¹¹ Там же стр. 56, 62; Grundr., стр. 15.

его еще нужно проецировать»¹².

Мало того, такой объект, как ствол дерева, представляется протяженным и он действительно протяжен. Не следует думать, будто в сознании есть только непротяженный образ дерева, а само протяженное дерево существует трансцендентно сознанию; нет, присутствующее в сознании дерево как содержание восприятия и есть само протяженное дерево; оно присутствует в сознании во всей своей телесности, так что нет никаких оснований говорить, будто оно есть «только представление», т. е. удваивать вещи, различая представления о вещах и сами вещи. «Содержание сознания есть ощущаемое содержание, точь-в-точь такое, каким оно себя заявляет, в своей настоящей осязаемой, наполняющей пространство действительности, а не преображенное или утонченное до степени лишь призрака, лишь субъективного ощущения». «Весь реальный мир, солнце, луна, звезды и эта земля с ее горными породами и животным миром, с ее огнедышащими горами и т. п., все это есть содержание сознания»¹³.

Если читатель думает: «Мне эти взгляды хорошо знакомы, я уже встречал их в философии Беркли», то он ошибается. Сходство между Беркли и Шуппе ограничивается лишь тем, что оба они считают весь так называемый материальный мир имманентным сознанию. Но строение этого сознания они понимают глубоко различным образом. Беркли считает

¹² Erk. Log., стр. 65.

¹³ Там же, стр. 69.

реки, горы, моря и т. п. только представлениями познающего я, он превращает их в психические состояния познающего индивидуума вроде того, как радость или печаль считаются состояниями того или другого я. Шуппе, наоборот, настаивает на том, что горы, моря, реки, присутствуют в сознании со всею своею телесностью, непроницаемую, наполняющую громадные пространства и т. п., и вовсе не могут быть состояниями я. Тот, кто стал бы насмешливо возражать, что я, вмещающее в себе горы и моря, должно быть громадным, обнаружил бы, во-первых, непонимание теории Шуппе, а, кроме того, смутность своих представлений о я, в особенности об отношении между сознающим я и сознаваемым бытием. Если я есть сосуд, в который вложены сознаваемые вещи, то, конечно, объем сосуда должен быть больше объема вложенных вещей. Точно так же, если я есть точка (как граница пространства), а сознаваемые вещи суть состояния этой точки, то они должны быть непротяженными, как и сама точка. Но эти пространственные представления о я нелепы. Я не есть ни сосуд, ни точка в пространстве, оно ни в каком смысле слова не есть что-либо протяженное¹⁴.

Кроме того, неправильны представления о сознающем я и сознаваемом бытии, превращающие я в вещь, а сознаваемое – в состояния этой вещи. Традиционное учение о сознании именно таково, и задача Шуппе состоит в том, чтобы построить новое учение о сознании, опираясь исключительно

¹⁴ Gr., стр. 24; Erk. Log. 70—76.

но на анализ фактов сознания, а вовсе не на выводы из предвзятых предпосылок о душе как замкнутой, отграниченной от остального мира субстанции, или о материи как причине душевной жизни, и т. п.

Сознание всегда есть целое, в котором путем мысленного разложения, путем абстракции можно различить две стороны: я, т. е. субъект сознания, и содержание сознания. Конечно, кроме этих двух элементов необходимо еще нечто третье, именно отношение между ними, благодаря которому содержание сознается субъектом. Чтобы обозначить это отношение, у нас есть только образные выражения, вроде: «обладание в сознании» (*im-Bewusstsein-haben*), «усваивание», «удерживание». Конечно, под этими образными выражениями следует разуметь «только то, что требуется простым смыслом слова сознание, именно необходимое представление о связи между содержанием сознания и сознающим я, о связи, благодаря которой и в которой предмет или содержание впервые есть содержание сознания субъекта (*des Ich*)»¹⁵.

Эту связь между субъектом и объектом можно назвать мышлением в самом широком смысле слова. Благодаря этой связи сознаваемый объект можно назвать содержанием сознания, разумея под всеми этими словами, конечно, не пространственное, а исключительно объектное отношение (отношение объекта и субъекта). Объекты, будучи, благодаря мышлению, содержаниями сознания, вовсе не становятся

¹⁵ Erk. Log., стр. 89.

ся вследствие этого частями или состояниями я¹⁶. Только о некоторых содержаниях сознания, таких, как, например, моя радость, мое желание, можно сказать, что они суть состояния я, вроде того, как зеленый цвет есть состояние какой-либо вещи, например, травы¹⁷. В большинстве же случаев, например, когда содержанием сознания служит дом, гора, река, эти содержания вовсе не суть состояния я, они только необходимо связаны с я.

Неопытный глаз может не заметить в этом учении Шуппе о сознании ничего оригинального. Между тем отклонение от традиционных взглядов у него громадно. Согласно общепринятым взглядам сознание определенного человека есть совокупность психических состояний этого человека, совершающихся в его душе или обусловленных наиболее сложными физиологическими процессами в его теле. По учению же Шуппе, сознавание чего-либо есть отношение между я и познаваемым бытием; это отношение нерасторжимо (в каком смысле оно нерасторжимо, об этом будет сказано позже), но это не требует превращения всякого познаваемого бытия в субъективный процесс, совершающийся в душе человека. Только некоторые содержания сознания: чувства, желания, акты мышления, близки к я настолько, что могут считаться его психическими состояниями, все же остальные содержания сознания человека (воспринимаемые горы, реки и т. п.)

¹⁶ Там же, 72; Gr., 18.

¹⁷ Gr., 140.

соединены с я этого человека только отношением «имения в сознании».

Посмотрим теперь, что такое это я или субъект сознания. Отбросим все содержания сознания, не только воспринимаемые реки, горы, но и чувства, желания, а также это определенное человеческое тело, которое также есть содержание сознания, и перед нами останется я как нечто не индивидуальное, я как общее понятие; найденное путем отвлечения от всякого содержания сознания, оно оказывается не конкретным существом, а только абстрактным моментом сознания. В конкретном целом сознания я есть непротяженный, абсолютно простой пункт единства¹⁸.

«Я», говорит Шуппе, «возникает и становится мыслимым впервые вместе с знанием о чем-либо; оно есть, правда, носитель (*der tragende Grund*) знания о чем-либо, но всегда находится более на заднем плане»¹⁹. В самом себе оно не имеет никакого содержания, и все бытие его сводится к «обладанию» объектами. Раньше уже было показано, что этот «обладатель» (субъект) не может существовать без обладаемого им (без объектов) и, наоборот, обладаемое не может существовать без обладателя: субъект и объект «суть только абстрактные моменты первоначального единого целого, которое именно и есть само бытие»²⁰, и потому вопрос о том,

¹⁸ Gr., 19, 24.

¹⁹ Erk. Log., стр. 94.

²⁰ Gr., 23; Erk. Log., 69.

как они встретились, как субъекту удалось овладеть объектом, не имеет смысла. Упомянутый выше теоретический реализм, стремящийся найти вне сознания причину появления в сознании таких содержаний, как, например, ощущение цвета, и находящий ее в изменениях глаза, нервов и мозга, не может быть оправдан. Глаз, нервы, мозг и т. п. сами суть уже содержание сознания, содержание восприятия, и потому в них видеть причину, объясняющую, каким образом впервые возникают содержания восприятия, нельзя. Из этого не вытекает, конечно, будто исследования физиологии о зависимости цветов, звуков и т. п. от изменений в зрительном, слуховом и т. п. аппаратах должны быть отвергнуты, их нужно только истолковать иначе, чем это делает теоретический реализм. В самом деле, физиология открывает законосообразную связь между одними и другими данными сознания, между одними и другими явлениями, а вовсе не между данными сознания и чем-то трансцендентным всякому сознанию²¹.

Субъект сознания, взятый в отвлечении от всякого содержания, лишен каких бы то ни было индивидуальных признаков; это есть не индивидуальное я, присущее не какому-нибудь индивидуальному сознанию, а всякому сознанию, т. е. «сознанию вообще» (*Bewusstsein überhaupt*). Чтобы это я было индивидуальным, необходимо присоединение к нему определенных пространственных и временных содержаний

²¹ Erk. Log., 60—68; Gr. 23 стр.

сознания, именно чувств, желаний и особенно тела, занимающего определенное пространство и время²². Следовательно, индивидуальные (конкретные) сознания состоят, с одной стороны, из различных индивидуальных состояний (чувств, желаний, тел), а, с другой стороны, содержат в себе и общую, всем им тождественную сторону – я как абстрактный субъект. Необходимо подчеркнуть, что это родовое я – «одно и то же во всех единичных я, а не находится в стольких экземплярах, сколько есть единичных я»²³.

Кроме родового я, каждому индивидуальному сознанию присущи также состояния, характеризующие «сознание вообще», т. е. сознание как нечто родовое, надиндивидуальное. «В том, что всякий находит в себе и знает только как свое восприятие, свою мысль, свое переживание, некоторые стороны могут принадлежать сознанию вообще, которое индивидуум также находит только в себе, а другие стороны получают если не существование вообще, то все же свой особый вид и окраску из индивидуальности и принадлежат к ее сфере. Последние элементы *eo ipso* не могут быть одними и теми же для всех индивидуумов, и даже при одинаковости содержания существуют в таком количестве экземпля-

²² Gr., 18, 25, 27.

²³ Schuppe, Begriff und Grenzen der Psychologie. Zeitschrift für imm. Philosophie, I, 1896, стр. 46. В переводе на русский язык эта статья Шуппе помещена в IV сборнике «Новых идей в философии». цитата со стр. 13.

ров, сколько есть индивидуумов, находящих их в себе»²⁴.

Итак, различные индивидуальные сознания имеют, несмотря на все свои индивидуальные особенности, также и общие стороны. Из этого строения сознания понятно, каким образом несколько наблюдателей могут воспринимать численно одну и ту же вещь, т. е. иметь в кругозоре своих сознаний буквально одно и то же содержание, в восприятии которого могут быть, однако, индивидуальные оттенки²⁵. «Это есть не только факт опыта, но нам и понятно также, что лишь вследствие того человечество и возможно и основывается на том, что индивидуальные сознания имеют часть своих содержаний общую, а, с другой стороны, отличаются друг от друга не только различием отрезков мира, сознаваемых каждым из них, но также индивидуальными различиями в окраске и способе понимания общей в их восприятии части мира»²⁶. «Общая и согласная часть содержаний сознания именно вследствие этого, очевидно, независима от индивидуумов как таковых. Зависимо от них и им принадлежит, (со) участвуя в их бытии, все то, что не связано необходимо с общею родою сущностью и, как вытекающее из особенностей индивидуумов, отнесено нами выше к числу «субъективных черт», которыми индивидуумы отличаются

²⁴ Там же, стр. 48; по-русски, IV сб. «Новых идей в философии», стр. 14.

²⁵ Gr. 30; Erk. Log., 77 с.

²⁶ Gr., 31, 30.

друг от друга»²⁷.

Исходя из этого учения о строении сознания, можно установить понятие первой ступени истины, именно понятие истины, основанной на чувственном восприятии. В составе чувственного восприятия внешнего мира объективный характер имеет все то, что принадлежит «сознанию вообще», а субъективный – то, что принадлежит индивидуальному сознанию, причем в области субъективного находится и ложное, именно то, что обусловлено аномалией телесных органов или психических функций индивидуума²⁸.

Объективную сторону восприятия составляют вещи, независимые от индивидуальных сознаний; из этого, однако, не следует, будто они трансцендентны всякому сознанию: мир восприятия, «правда, независим от всех индивидуальных сознаний, но по своему понятию он мыслим только как объект сознания вообще» (als Object von Bewusstsein überhaupt)²⁹.

Из учения Шуппе о строении сознания вытекает ряд весьма важных следствий. Во-первых, оно дает возможность устранить кантовское деление мира на два царства – явлений и вещей в себе. Достроив высшее понятие своей теории, понятие «сознания вообще», Кант, по словам Шуппе, сделал ошибку, не использовав его метафизически, не обратив

²⁷ Gr., 32.

²⁸ Gr., 32.

²⁹ Gr., 34.

внимания на то, что «сознание вообще» есть нечто само по себе сущее (an sich Seiendes). Поэтому ему пришлось прибегнуть к допущению Бога и вещей в себе, причем явления превращаются в видимость. Между тем, если «сознание вообще» есть an sich, то оно и есть единственный носитель мира существующих в восприятии вещей, за спиною которых нет никаких сверхчувственных ноуменов. Воспринимаемые вещи можно и при этом учении называть явлениями, но под этим словом следует разуметь лишь то, что они существуют не иначе, как для я, а не то, что они суть обнаружения вещи в себе³⁰

³⁰ Schuppe, «Das metaphysische Motiv».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.